

Сукина Л.Б.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ЖИТИЙ РУССКИХ СВЯТЫХ:

ОТ ИССЛЕДОВАНИЯ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО ДО СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ШТУДИЙ

В одной из своих сравнительно недавних работ А.Л. Юрганов назвал агиографию «эпицентром средневековой культуры» на том основании, что только в ней в полной мере воплощались наиболее значимые правила духовной деятельности и образцы поведения человека той эпохи [16, с. 386]. Думается, с этим мнением согласятся многие исследователи житий русских святых. Памятники агиографии в последнее время стали одним из наиболее часто используемых в исследованиях русской средневековой культуры видов источников. Поэтому ретроспективный, с выходом в современность анализ методов и приемов источниковедения древнерусских житий представляется нам актуальной задачей, тем более что данная проблема ранее достаивалась лишь эпизодического внимания исследователей [1].

Начало источниковедческому изучению памятников русской агиографии было положено В.О. Ключевским [9]. Жития русских святых он рассматривал, в первую очередь, как источники по истории монастырского землевладения и хозяйственного освоения земель Северо-Восточной Руси, а не как памятники, фиксирующие особенности восприятия русским общественным и индивидуальным сознанием того времени феномена святости. Такая постановка проблемы привела Ключевского к неутешительному для него выводу о неинформативности этого вида источников и их весьма малой полезности для аграрной истории. В то же время, исследование классика русской историографии создало почву для размышлений историков одного с ним и последующих поколений и в этом смысле и по сей день не утратило своей актуальности не только как собрание фактов и сведений, извлеченных им из исторических документов и памятников древнерусской литературы, но и в качестве яркого образца использования определенного методологического подхода к источниковедению житий, основанного на позитивистском рационализме. Этот подход несколько позже был применен И.А. Яхонтовым к исследованию северорусских житий [17].

Однако следует обратить внимание и на то, что в работе В.О. Ключевского было сделано важное для исследователей агиографии наблюдение, касающееся принципа работы агиографа над текстом жития. Агиограф, согласно выводу Ключевского, находился между двумя средами: «контролирующей» и «читающей». И это промежуточное положение делало его своего рода проповедником: «...он настраивает свой тон на высокую дидактическую ноту и призывает своих “послушателей” к духовной трапезе, чтобы предложить им “негибнущую” пищу поучений духовных» [9, с. 252]. Этим выводом историк открыл возможность иного понимания источника, для которого в момент публикации его исследования время еще не пришло.

Особое место в источниковедении житий принадлежит Г.П. Федотову. В выборе собственного метода он опирался на распространенные в европейской гуманитарной науке 1920–1930-х гг. представления о генетической связи культуры и религии.

Одной из основных заслуг Г.П. Федотова в исследовании древнерусской культуры следует считать изменение отношения к историческому источнику в трудах по истории русской церкви. Свои источниковедческие принципы он изложил в очерке «Православие и историческая критика», обобщавшем его собственный исследовательский опыт [13]. Федотов отстаивал мнение, что научная критика источника не наносит никакого ущерба церковной традиции, но она не должна быть гипертрофированной, доходящей до нигилизма по отношению к религиозным текстам, как это нередко происходило в работах Е.Е. Голубинского [см., напр.: 5], оспаривавшего достоверность информации многих древнерусских источников, в частности житий святых: «Все, что протекает в пространстве и времени, что доступно или было доступно чувственному опыту, может быть предметом не только веры, но и знания» [13, с. 5]. Очень современно звучит высказывание Г.П. Федотова о том, что причиной излишнего исторического скептицизма при исследовании источников часто становится «...увлечение собственными, новыми сплошь и рядом, фантастическими конструкциями. В данном случае вместо критицизма уместно говорить о своеобразном догматизме, где догматизируются не традиции, а современные гипотезы» [13, с. 6].

Свой метод источниковедения Г.П. Федотов последовательно воплощал в собственных работах, посвященных истории русской святости и народной веры. Предметом изучения в самом

известном его труде «Святые Древней Руси» был «архетип» духовной жизни, сложившийся в допетровские времена [14]. Руководствуясь стремлением выявить истоки «Святой Руси»,

Г.П. Федотов вновь обратился к древнерусским житиям, имевшим после исследования В.О. Ключевского репутацию источника с «небогатым историческим содержанием». Причину разочарования своего предшественника Г.П. Федотов справедливо усматривал в его личной исследовательской установке. Он подчеркивал, что и после В.О. Ключевского изучение агиографических источников оставалось «внешним, литературно-историческим, без достаточного внимания к проблемам святости как категории духовной жизни» [14, с. 32]. Анализ трудностей современных ему исследований агиографии открыл перед Г.П. Федотовым одну из основных, как ему казалось, проблем изучения русской культуры: «Безмолвная “Святая Русь”, в своей оторванности от источников словесной культуры древности, не сумела поведать нам о самом главном – о своем религиозном опыте» [14, с. 33].

В советской историографии жития святых рассматривались преимущественно как источники по истории монастырского землевладения (С.Б. Веселовский, И.У. Будовниц и др. [4, 3]) или политической истории (А.С. Хорошев [15]). Исследовательские подходы к источниковедению житий мало отличались от использованных еще В.О. Ключевским. Поэтому здесь мы ограничимся констатацией того, что большинство из указанных исследователей в качестве одного из основных недостатков житий как исторических источников также отмечали слабую насыщенность их текстов экономическими и бытовыми подробностями.

Собственные методы источниковедения житий были сформированы историками древнерусской литературы, начиная с работы Арс. Кадлубовского 1902 г. [8] и заканчивая современными исследованиями [см., напр.: 6, 10]. Главное внимание здесь уделялось и уделяется выявлению «личностного» начала в тексте, проявлению «авторских» особенностей поэтики и стиля памятников русской агиографии, литературной топике.

Среди житий русских святых отдельный интерес вызывали жития юродивых, позволяющие реконструировать этот необычный тип святости и осмыслить его социальную и культурную роль. Отметим, что в различных работах (как в опубликованных еще в позапрошлом веке, так и в новейших) агиографические тексты используются, как правило, для иллюстрации собственных представлений исследователей о социокультурных функциях и поведенческих моделях юродства. В частности, такой метод эксплуатируется в трудах известного современного исследователя юродства С.А. Иванова [7].

Это обстоятельство волновало еще И.У. Будовница, который позиционировал свой методологический подход как строго источниковедческий [2]. Но адекватного метода источниковедческого анализа житий юродивых он также не нашел. Явно ориентируясь на мнение В.О. Ключевского, он отмечал: «Известно, что “жития святых” – источник крайне тенденциозный и малодостоверный, но особенно недостоверны жития юродивых» [2, с. 190]. С точки зрения И.У. Будовница, жития многих юродивых представляют собой не жития в полном смысле этого слова (то есть связанные, последовательно изложенные биографии), а «конгломерат» эпизодов легендарного характера, часть которых заимствована из других агиографических сочинений. У него создалось впечатление, что жития юродивых, в большинстве своем, написаны наспех, так как их авторы стремились как можно быстрее внедрить свои тексты в религиозную практику. Эти жития характеризует трафаретность, малосодержательность и литературная неуклюжесть текстов. Их части плохо согласованы. И.У. Будовниц считал это следствием канонизации большинства юродивых значительное время спустя после их смерти, ибо в противном случае современники не поверили бы в святость человека, которого они знали как слабоумного. За давностью лет память о реальных событиях жизни блаженного утрачивалась, поэтому агиографам приходилось конструировать житие из того разнородного и случайного материала, который оказывался в их распоряжении [2, с. 190–191].

Наблюдения И.У. Будовница, сделанные в процессе изучения житий юродивых XVI–XVII вв., в целом соответствуют действительности, если считать критерием «достоверности» агиографического текста точность описания событий, имевших место в реальности. Но такая задача никогда не стояла перед агиографами. Убедительность их сочинений состояла в другом – обосновании почитания и прославления святого.

В последнем десятилетии XX – начале XXI в. жития стали привлекать к исследованиям историко-культурного феномена «русской святости», монастырской культуры и повседневной жизни русских монастырей [см., напр.: 11, 12]. Но и в этом случае исследователей интересова-

ли, в первую очередь, «бытовые» моменты и подробности, характерные для реконструируемой ими «исторической действительности прошлого». Исследования агиографии приобрели характер полидисциплинарности и междисциплинарности, охватывая все больший круг проблем.

Вычленив в этой исследовательской области источниковедческую проблематику, А.Л. Юрганов выявил три основных направления интерпретации содержания письменных источников, в том числе житий, и трактовки их смыслов: теорию литературного этикета, обоснованную в трудах Д.С. Лихачева; центонно-парафразный метод анализа древнерусских нарративов И.Н. Данилевского; «буквальное» понимание средневековых текстов, ярче всего представленное научным творчеством Б.М. Клосса. По мнению А.Л. Юрганова, первое из них упускает из виду наличие исходной авторской мысли составителя текста, второе открывает возможность исследовательской манипуляции смыслами, характерной для постструктурализма, третье приводит к тому, что литературные топосы представляются исследователю результатом индивидуального творчества или плодами жизненного опыта и наблюдений древнерусского книжника. Все это приводит к плюрализму толкований смыслов источников и затрудняет процедуру верификации научных результатов исследований. А.Л. Юрганов считает это явным признаком кризиса интерпретационного подхода в герменевтике источника [16, с. 51–75].

Сам А.Л. Юрганов на опыте исследования «Повести о бесноватой Соломонии» из Жития Прокопия Устюжского стремится продемонстрировать преимущества продвигаемого им метода «историко-феноменологической» реконструкции смысла текста, разворачивающейся от части к целому [16, с. 353–366]. Однако лежащая в основе метода «беспредпосылочная герменевтика» источника также оставляет сомнения в истинности и верифицируемости результатов, а примененная исследователем «феноменологическая редукция» отбрасывает в сторону размышления о топосной природе многих сюжетных элементов «Повести» и Жития в целом.

При всей соблазнительности метода «исторической феноменологии» нам он представляется лишь промежуточным в рамках более сложной и длительной процедуры источниковедческого исследования жития. Сложная и неоднозначная природа человеческого сознания не может быть сведена исключительно к религиозной вере, пусть и имеющей исторически обусловленную форму, соответствующую эпохе. У составителя и читателей жития могли существовать и какие-то иные комплексы представлений о мироустройстве и бытии человека в целом, и о нравственности и благочестии в частности. Поэтому при реконструкции целостности смысла жития святого как исторического источника необходим баланс «понимающих» процедур «исторической феноменологии» (нам больше импонирует вариант А.С. Лаппо-Данилевского, а не А.Л. Юрганова) и синтезирующих «объяснительных» методов исторической антропологии и позитивистских конструкций исторического процесса.

1. Бон, Д. Житийная литература как исторический источник (Две точки зрения: В.О. Ключевского и Г.П. Федотова) / Д. Бон // Литература и история: Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв. – СПб., 2001. – Вып. 3. – С. 284–293.
2. Будовниц, И. У. Юродивые Древней Руси / И. У. Будовниц // Вопросы истории религии и атеизма. – 1964. – Т. 12. – С. 170–195.
3. Будовниц, И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV – XVI веках (по «житиям святых») / И. У. Будовниц. – М.: Наука, 1966. – 390 с.
4. Веселовский, С. Б. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. / С. Б. Веселовский // Исторические записки. – М., 1941. – Т. 10. – С. 95–116.
5. Голубинский, Е. Е. История канонизации святых в русской церкви / Е. Е. Голубинский. – М., 1903. – 598 с.
6. Дмитриев, Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII – XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-исторических сказаний / Л. А. Дмитриев. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1973. – 304 с.
7. Иванов, С. А. Блаженные похабы. Культурная история юродства / С. А. Иванов. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 448 с.
8. Кадлубовский, Арс. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых / Арс. Кадлубовский. – Варшава, 1902. – Вып. 1–5.
9. Ключевский, В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. – М., 1871. – 473 с.
10. Крушельницкая, Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе / Е. В. Крушельницкая. – СПб.: Наука, 1995. – 365 с.
11. Романенко, Е. В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря / Е. В. Романенко. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 329 с.
12. Топоров, В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре / В. Н. Топоров. – М.: Гнозис; Языки русской культуры, 1998. – Т. II. – 903 с.
13. Федотов, Г. П. Православие и историческая критика / Г. П. Федотов // Путь. – Париж, 1932. – № 33. – С. 3–15.
14. Федотов, Г. П. Святые Древней Руси / Г. П. Федотов. – М.: Московский рабочий, 1990. – 270 с.
15. Хорошев, А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.) / А. С. Хорошев. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 207 с.
16. Юрганов, А. Л. Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени / А. Л. Юрганов. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2006. – 433 с.
17. Яхонтов, И. А. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края, как исторический источник / И. А. Яхонтов. – Казань, 1881. – 377 с.